

Къ біографіи Л. А. Мея.

Левъ Александровичъ и Софья Григорьевна Мей, ихъ родные
и знакомые.

(Семейная хроника)¹⁾.

ри хорошей подготовкѣ и выдающихся способностяхъ, Софья Полянская вскорѣ стала первой ученицей въ своемъ классѣ; подруги называли ее „*notre premièrre chiffreuse*“—но этому не суждено было сбыться. Не прошло и полутора года со дня поступления въ Институтъ, какъ дѣвочка стала блѣднѣть, слабѣть, —оказалось малокровіе, со всѣми его спутниками и ее отправили въ лазаретъ. Тогда Александра Ивановна Васильчикова пріѣхала къ больной съ своимъ докторомъ, и рѣшено было взять ее обратно изъ Института.

Радость, счастье быть снова дома, возлѣ своей милой мамѣ, опять видѣть любимыя лица и мѣста, быстро возстановили силы и здоровье Сонюшкѣ, и началось серьезное ученье—уже у Васильчиковыхъ. Съ утра, изъ дома Ек. Алек. Архаровой Сонюшку отвозили на Большую Морскую, гдѣ жили въ собственномъ домѣ Васильчиковы; тамъ она проводила цѣлый день и брала уроки съ ихъ дочерьми: Анной Алексѣевной, бывшей впоследствии замужемъ за графомъ Павломъ Трофимовичемъ Барановымъ, и Екатериной Алексѣевной, вышедшей за князя Владиміра Александровича Черкаскаго. Вечеромъ, Александра Ив., ежедневно навѣщавшая свою мать, привозила ее обратно. Иногда, къ нимъ въ карету садился Алексѣй Васильевичъ и доѣзжалъ до дома князя Виктора Павло-

¹⁾ См. „Русская Старина“ мартъ 1911 г.

вича Кочубей, женатаго на сестрѣ его Марьѣ Васильевнѣ. У княгини Кочубей жила тогда ея тетка, знаменитая Наталья Кирилловна Загряжская, рожденная Разумовская, у которой Пушкинъ учился по-русски.

Все, что можно было придумать для здоровья, умственного развитія, счастья и удовольствія дѣтей, тамъ все было, и всѣмъ этимъ Сонюшка пользовалась наравнѣ съ другими. Возвращаясь по вечерамъ домой, на Караванную, крестная мать окружала ее самыми нѣжными, истинно материнскими попеченіями. Софья Григорьевна всегда вспоминала объ этомъ времени, какъ о счастливейшемъ во всей ея жизни. Но за счастьемъ идетъ горе!

Екатерина Александровна Архарова, давно переступившая за 80-ти лѣтній возрастъ, безболѣзненно и мирно отдала Богу свою чистую душу. Ее похоронили въ Александро-Невской лаврѣ. По прошествіи шести недѣль, Екатерина Михайловна съ племянницей отправились въ Москву, къ ея родителямъ, жившимъ тамъ уже нѣсколько лѣтъ и проводившимъ въ Графченкахъ только лѣтнее время.

Черезъ двѣ недѣли послѣ приѣзда, Ек. Мих. Шлыкова скончалась. Давно скрывавшаяся болѣзнь, вслѣдствіе перенесенныхъ сильныхъ потрясеній, обострилась, и смерть послѣдовала въ самый короткій промежутокъ времени. Приѣхалъ Иноземцевъ, но помочь было невозможно.

Живя въ Петербургѣ, Сонюшка очень аккуратно писала къ родителямъ стереотипныя письма: увѣдомляла ихъ о своемъ здоровьѣ, успѣхахъ; поздравляла съ высоко-торжественными праздниками, прибавляя извѣстныя пожеланія всѣхъ благъ земныхъ. А на самомъ дѣлѣ съ каждымъ годомъ все больше и больше отъ нихъ отвыкала и забывала ихъ, но всю привязанность сосредоточила на теткѣ, которую называла и считала матерью. Лишившись вдругъ тѣхъ, кого она такъ горячо и нѣжно любила; неожиданно вырванная изъ среды, гдѣ ей было такъ хорошо; оторванная ото всего, что было дорого и мило, и чѣмъ столько лѣтъ наполнялась жизнь ея; перенесенная въ совершенно новую обстановку, Софья Григорьевна почувствовала себя одинокой и осиротѣлой, хотя въ родной, но еще чуждой ей семьѣ. Глубокое горе о потерѣ любимаго существа и рѣзкая перемѣна жизни имѣли большое вліяніе на развитіе ея характера. Изъ веселой, безпечной дѣвочки, она сдѣлалась грустною и задумчивою; она какъ-то ушла въ себя, и отъ нея вѣяло холодомъ. Оставаясь совершенно безучастною ко всему окружающему, она тосковала о невозвратномъ прошломъ.

А между тѣмъ, это была любимая дочь своего отца; въ семьѣ ея всѣ любили и уважали, и она стояла выше другихъ.

Черезъ нѣсколько лѣтъ, когда Васильчиковы, продавъ свой Петербургскій домъ, на Бол. Морской, переѣхали на житье въ Москву, Софья Гр. совершенно ожила и какъ бы пробудилась отъ долгой нравственной летаргіи: она снова почувствовала себя въ той сферѣ, гдѣ ей такъ легко и хорошо жилось. Любовь къ высшему, аристократическому обществу и изящной обстановкѣ сохранилась у нея на всю жизнь.

Когда Софья Гр. возвратилась въ Москву, два ея брата были въ училищѣ Правовѣдѣнія. Больше всѣхъ она полюбила и подружилась со старшей изъ своихъ сестеръ—Еленой.

Съ нею одной она была откровенна, только ей повѣряла всѣ свои мысли и чувства. С. Гр. получила весьма серьезное научное образованіе; хорошо знала французскій и англійскій языкъ; была прекрасной музыкантшей. Умная, даровитая, изящная, она обращала на себя общее вниманіе. Спокойное и сосредоточенное выраженіе очень шло къ тонкимъ, красивымъ чертамъ и придавало какую-то особенность ея блѣдному лицу. Она рѣзко выдѣлялась изъ среды своихъ сверстницъ, и рѣдко кто изъ молодыхъ людей, узнавъ ее, не увлекся бы ею. Софья Гр. рано привыкла видѣть себя окруженною поклонниками, любовь ихъ она принимала за должную дань ея уму и красотѣ,—но сама еще никого не любила.

Г л а в а VII.

Женитьба Л. А. Мей и поѣздка молодыхъ въ Петербургъ.

Незадолго передъ выходомъ Льва Алек. изъ Лицея, Григ. Мих. Полянскій продалъ Графченки и прибрѣлъ въ Москвѣ, на Тверской улицѣ большой каменный домъ, куда и сталъ ходить, почти ежедневно, Л. Ал., какъ сказано выше. Полянскіе, давно уже находясь въ свойствѣ съ его семьей, никогда не прерывали съ нею самыхъ дружескихъ отношеній. Старшій сынъ Михаилъ Григорьевичъ и два племянника Григ. Мих.: Александръ и Алексѣй Степановичи Оголинны, еще въ дѣтствѣ играли вмѣстѣ со Львомъ Александровичемъ. Когда онъ поступилъ въ Лицей, они почти въ то же время поступили въ училище Правовѣдѣнія. Въ продолженіе всей школьной жизни не переставали видаться и почти въ одно время приѣхали опять въ Москву. Но не одно товарищество и старая семейная дружба манила къ Полянскимъ молодого поэта: ихъ старшая дочь,

Софья Григорьевна, начала занимать его умъ и сердце. Образъ перваго идеала блѣднѣлъ и замѣнялся другимъ¹⁾.

Возвратясь въ родительскій домъ, Софья Гр. продолжала свое образованіе. Отецъ взялъ для нея гувернантку-англичанку и всѣхъ нужныхъ учителей. Она съ раннихъ лѣтъ училась музыкѣ и въ то время уже очень хорошо играла на фортепіано. Левъ Ал. любилъ смотрѣть на нее, слушать ея музыку, читать ей свои стихи²⁾. Одинъ разъ ему показалось, что она надъ нимъ насмѣхается, это его такъ оскорбило, что онъ ушелъ, ни съ кѣмъ не простясь, нѣсколько лѣтъ не былъ въ домѣ и избѣгалъ всякой съ нею встрѣчи, хотя съ другими членами семейства оставался въ прежнихъ, дружескихъ отношеніяхъ. Но когда случай свелъ ихъ снова, и они объяснились, онъ очень скоро сдѣлался ея женихомъ, а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ—мужемъ.

Въ эти годы добровольнаго изгнанія и сердечной пустоты, Л. Ал. занимался серьезнымъ изученіемъ богословскихъ наукъ, древнихъ писателей и русскихъ лѣтописей. Въ это тяжелое для него время, ему пришлось схоронить свою старую няню, а потомъ и мать. Ольга Ивановна Мей умерла за годъ до женитьбы Л. Ал., въ 1849 году на масленицѣ. Л. Ал. не могъ вспомнить безъ содроганія ту глубокую скорбь, какую онъ испыталъ, идя за гробомъ матери, когда печальная процессія проѣзжала мимо Новинскаго,—мѣста народнаго гулянья: праздничныя лица, толкотня, музыка, пѣсни, пискъ марьонетокъ, кривлянье клоуновъ, и весь этотъ шумъ и гамъ толпы произвели на него потрясающее впечатлѣніе. Онъ не могъ забыть его до конца жизни. Тетка его, Елизавета Ив. Шлыкова, пережила Ольгу Ив. на два года: она умерла уже послѣ его свадьбы; а сестра Л. Ал., Елизавета Александровна Мей, вышла замужъ за своего дальняго родственника Алексѣя Димитріевича Шлыкова, у нихъ осталось три сына и дочь, это единственные родные племянники Л. Ал. Въ это же время онъ познакомился съ графиней Евдокіей Петровной Ростопчиной, у которой собирался весь цвѣтъ Московской интеллигенціи.

Тогда же онъ познакомился и дружески сошелся съ Михаиломъ Андреевичемъ и Надеждою Димитріевною Половцовыми. Л. Ал. два лѣта прожилъ въ ихъ имѣніи—селѣ Покровскомъ. Стихотвореніе „Деревня“ относится къ тому времени.

¹⁾ Разсказъ Л. Ал. „Чубукъ“ относится ко времени возвращенія его изъ Лицея въ Москву. Подъ именемъ „Росковыхъ“ описанъ домъ Полянскихъ и всѣ выведенныя тамъ личности взяты изъ действительности.

²⁾ Къ этому времени относятся стихи Л. А. „Когда ты, склонясь надъ роялемъ“, „Не знаю, отчего такъ грустно мнѣ при ней?“ „Бѣги ея“, „Октавы“.

Имя его, какъ поэта, дѣлалось уже извѣстнымъ. А когда давали на Московской сценѣ въ первый разъ его драму „*Царская Невѣста*“, Л. Ал. смотрѣлъ ее изъ ложи его собственной невѣсты.

Свадьба ихъ была 30 апрѣля 1850 г. Это приходилось на Краснуюгорку. Погода стояла великолѣпная; было жарко. Домъ, откуда отпускали невѣсту, представлялъ роскошную оранжерею: такъ много было цвѣтовъ и деревьевъ; на улицѣ и въ церкви толпился народъ; свадебный поѣздъ былъ блистательный. Матерью посаженою жениха была гр. Ев. Пет. Ростопчина, а отцомъ посаженнымъ невѣсты— Алексѣй Вас. Васильчиковъ и шаферомъ младшій сынъ его, Александръ Алек. Вообще, Васильчиковы приняли самое сердечное участіе въ свадьбѣ Софьи Григорьевны.

Первые мѣсяцы послѣ свадьбы молодые прожили на прелестной дачѣ, противъ Нескучнаго-сада, на самомъ берегу Москвы-рѣки, тамъ, гдѣ она загибается къ Воробьевымъ горамъ. У нихъ была своя лодка: стоило переѣхать рѣку, чтобы быть въ Нескучномъ-саду, или подняться на гору, чтобы видѣть Москву съ лучшаго ея пункта. Густой, тѣнистый садъ выходилъ прямо въ Лужники. Къ нимъ часто заходилъ сосѣдъ ихъ: Михайлъ Ивановичъ Погодинъ. Онъ жилъ въ собственномъ домѣ, возлѣ Дѣвичьяго-монастыря. Бывали: Алекс. Ник. Островскій; Ник. Вас. Бергъ; Тертій Ив. Филипповъ, въ то время онъ пѣлъ задушевымъ, груднымъ теноромъ, русскія пѣсни и былины; Сер. Пав. Калошинъ; Бор. Сем. Озеровъ; князь Петръ Крапоткинъ и другіе.

Послѣ дачной жизни, въ началѣ зимы, Л. Ал. повезъ свою молодую жену въ Петербургъ, къ дядѣ—Пет. Ив. Мею, знавшему ее еще дѣвочкой. Они у него остановились и прожили въ Петербургѣ всю зиму. Въ это время Л. Ал. опять увидался со своими товарищами-лицейстами и познакомилъ ихъ со своей женой. Это были: В. Р. Зотовъ, А. Н. Кирилинъ, Г. В. Кондонди, В. П. Ефремовъ, Е. И. Ламанскій, В. П. Гаевскій. Когда Л. Ал. уѣзжалъ въ Петербургъ, графъ Алексѣй Павловичъ Бобринскій, тоже товарищъ его по Лицею, съ которымъ Л. Ал. часто видался въ Москвѣ, далъ ему письмо къ своей сестрѣ—графинѣ Юльѣ Павловнѣ Бобринской, которая въ то время жила въ Зимнемъ-Дворцѣ и была одна изъ любимыхъ фрейлинъ Императрицы Александры Θεодоровны. Гр. Ю. П. Бобринская приняла очень любезно молодого поэта и жену его. Когда давали на Петербургской сценѣ „*Царскую Невѣсту*“, въ театрѣ присутствовалъ Государь, Императрица и весь Дворъ, такъ, что спектакль вышелъ совершенно парадный. Этому во многомъ содѣйствовала гр. Бобринская. Когда Мей уѣзжали въ Москву и пріѣхали съ нею проститься, гр. Ю. П. была больна и не могла ихъ принять

сама, но она выслала, чтобы пожелать имъ добраго пути, пріятельницу свою—графиню Гаукэ. Это была никто иная, какъ впоследствии мать принца Александра Батенберга.

Въ это же время второй братъ С. Г. Мей, Иванъ Григорьевичъ Полянскій женился на сестрѣ лицеиста—В. Н. Кутузова—на Ольгѣ Николаевнѣ. Такъ какъ Полянскій былъ правовѣдъ, то и свадьба его была въ церкви училища Правовѣднія. Посаженымъ отцомъ жениха былъ принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій, а посаженою матерью Софья Гр. Мей.

Вскорѣ послѣ возвращенія Л. Ал. и С. Гр. изъ Петербурга, все семейство Полянскихъ уѣхало изъ Москвы въ Смоленскую деревню. Л. Ал. вышелъ въ отставку и вмѣстѣ съ женой тоже туда пріѣхалъ. Въ семьѣ тестя онъ прожилъ почти годъ, пока не получилъ назначеніе—инспектора 2-й Московской гимназіи.

А. Г. Полянская.

(Продолженіе слѣдуетъ).

